

И.А. Истомин*

**ОПРАВДАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА?
РОЛЬ «ДОКТРИНЫ МОНРО»
В ЛЕГИТИМАЦИИ И СТИГМАТИЗАЦИИ
ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА
В ПОЛИТИКЕ США В XIX — НАЧАЛЕ XX В.****

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Вопрос о том, какие риторические ресурсы государства используют для легитимации интервенций в глазах иностранных контрагентов, остается недостаточно исследованным в отечественной литературе, несмотря на рост научного интереса к проблеме вмешательства во внутренние дела. Богатую эмпирическую основу для осмысления практик легитимации и стигматизации интервенций предоставляет опыт применения «доктрины Монро» — знакового идейного конструкта в истории международных отношений и внешней политики США. Настоящая статья концентрируется на выявлении роли «доктрины Монро» в качестве ресурса осуждения вмешательств европейских держав во внутренние дела стран Латинской

* Истомин Игорь Александрович — кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723 «Вызовы вмешательства во внутренние дела в контексте междержавной конкуренции» (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>). Отдельные разделы исследования были апробированы на Ясинском международной научной конференции НИУ ВШЭ и круглом столе «Империализм и великодержавное соперничество», организованном факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор выражает признательность за ценные советы И.В. Болговой, Г. Иванову, Д.П. Жабиной, А.А. Исэрову, Д. Корчемной, Н.С. Липунову, Е.А. Масловой, А.Д. Несмашному, К.Е. Петрову, М.А. Сучкову, Й. Фергюссону, М.В. Харкевичу, О.И. Шакирову, А. Ливии Эстевес.

Америки и обоснования американских действий в регионе. Автор обрисовывает комплекс проблем, связанных с приданием внутренней и внешней легитимности действиям государства на международной арене. Показано, что апелляция к национальным интересам, подходящая для решения задач внутривнутриполитической легитимации, оказывается неэффективной в деле оправдания интервенций в глазах международной общественности и уступает место отсылкам к устоявшимся традициям и историческим нарративам. В статье последовательно рассмотрены обстоятельства появления президентского послания 1823 г. и последующая практика апеллирования к нему со стороны представителей внешнеполитического истеблишмента США как для продвижения идеи о недопустимости европейского вмешательства в дела стран Западного полушария, так и, впоследствии, для обоснования американского интервенционизма. Отдельное внимание уделено так называемому дополнению Рузвельта, поскольку оно позволяет лучше понять особенности восприятия положений «доктрины Монро» правящими кругами США, отделив их от искажений и стереотипов, сформировавшихся в ходе публичной полемики вокруг нее и перекочевавших оттуда на страницы многих академических исследований. Автор заключает, что, несмотря на приписываемый «доктрине Монро» статус краеугольной опоры внешней политики США, на деле она играла ограниченную роль как в дипломатическом оправдании, так и в стигматизации интервенций. В этом отношении ее правильнее рассматривать скорее как риторический ресурс, а не как некий строгий руководящий принцип. В целом опыт применения «доктрины Монро» указывает на ситуативную обусловленность практик легитимации вмешательств, объясняя их ограниченную убедительность, что представляется во многом неизбежным с учетом конститутивного значения института суверенитета для поддержания международного общества.

Ключевые слова: «доктрина Монро», внешняя политика США, вооруженная интервенция, вмешательство, интервенционизм, легитимность, государственный суверенитет, Латинская Америка, империализм, неоколониализм, дополнение Рузвельта

Для цитирования: Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55.

Igor A. Istomin

**JUSTIFICATION FOR INTERFERENCE?
THE ROLE OF THE MONROE DOCTRINE
IN THE STIGMATIZATION
AND LEGITIMATION OF INTERVENTION
IN THE US FOREIGN POLICY IN THE 19th
AND EARLY 20th CENTURIES**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

Despite the growing academic attention to the problem of interference in internal affairs, rhetorical techniques the state uses to legitimize interventions in the eyes of foreign counterparties, remain somewhat understudied in the Russian IR studies. In this regard, the case of the Monroe Doctrine, a landmark ideological construct in the history of international relations and US foreign policy, provides a unique framework for an in-depth study of the practices of legitimization and stigmatization of interventions. The paper examines the role of the doctrine in denouncing the interference of European powers in the domestic affairs of Latin American countries and justifying US actions in the region. The author outlines a set of issues related to legitimizing, both externally and internally, the actions of the state in the international arena. It is shown that the appeal to national interests suitable for solving the problems of domestic political legitimization, turns out to be ineffective in justifying interventions in the eyes of the international community and therefore gives way to references to established traditions and historical narratives. The paper examines the historical background of the 1823 presidential address and the ways how the US foreign policy establishment appealed to it later on, both to promote the idea of the inadmissibility of European interference in the affairs of the countries of the Western Hemisphere, and, subsequently, to justify American interventionism. Special attention is paid to the so-called Roosevelt Corollary, since it allows one to better understand the specifics of the US leaders' perception of the Monroe Doctrine and to separate them from the distortions and stereotypes formed during the ensuing public debates and uncritically replicated in many academic studies. The author concludes that, though the Monroe Doctrine is regarded as a cornerstone of US foreign policy, in fact it played a limited role in both diplomatic justification and stigmatization of interventions. In this regard, it is more appropriate to consider it as a rhetorical asset rather than a strict guiding principle. In general, the case of the Monroe Doctrine reveals the situational conditionality of the practices legitimizing interventions, resulting in their limited persuasiveness. The latter

seems to be almost inevitable given the constitutive importance of the institution of sovereignty for the maintenance of international society.

Keywords: Monroe Doctrine, US foreign policy, armed intervention, interference, interventionism, legitimacy, state sovereignty, Latin America, imperialism, neocolonialism, Roosevelt corollary

About the author: Igor A. Istomin — PhD (Political Science), Acting Chair, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University (e-mail: iaistomin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8334-6343).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 22-18-00723 (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>). Certain parts of the research were discussed at the Yasin International Scientific Conference at the Higher School of Economics and Round Table 'Imperialism and Great Power Rivalry' organized by the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Author expresses his gratitude to I. Bolgova, A. Livia Esteves, I. Ferguson, A. Iserov, G. Ivanov, M. Kharkevich, D. Korchemnaya, N. Lipunov, E. Maslova, A. Nesmashnyj, K. Petrov, O. Shakirov, M. Suchkov and D. Zhabina for their valuable comments on the preliminary drafts of the manuscript.

For citation: Istomin I.A. 2023. Justification for interference? The role of the Monroe Doctrine in the stigmatization and legitimization of intervention in the US foreign policy in the 19th and early 20th centuries. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 11–55. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55. (In Russ.)

Каким образом государства легитимируют вмешательство во внутренние дела других стран или обосновывают его недопустимость? На какие риторические ресурсы они опираются для подкрепления своих действий в глазах иностранных контрагентов? Эти вопросы редко попадают в поле внимания отечественных специалистов, несмотря на рост интереса к проблематике вмешательства во внутренние дела [Бартенев, 2018; Карпович, Манойло, 2015; Истомин, 2023]. В зарубежной литературе они занимают значимое место, позволяя позиционировать интервенции как специфический тип социальных практик в международном обществе [Weber, 1995; Finnemore, 2004].

Богатую основу для осмысления легитимации и стигматизации интервенций предоставляет опыт применения «доктрины Монро» — знакового идейного конструкта в истории международных отношений и внешней политики США¹. Его ценность определяется рядом обстоятельств. Во-первых, с конца XIX в. Вашингтон выступал наиболее частым инициатором вмешательств, задавая образец интервенционизма [Kavanagh et al., 2019; Kushi, Toft, 2023]. Во-вторых, доктрина вскрывала противоречивый статус суверенитета в международном обществе, делегитимируя одни вмешательства и давая обоснование другим. В-третьих, интерес к изучению «доктрины Монро» повышает приписываемое ей место в американской внешнеполитической идеологии. Она дает редкий пример выступления 200-летней давности, которое остается предметом регулярных отсылок при обсуждении актуальной международно-политической повестки [Троянский, Карпович, 2020; Пиреш, Насименту, 2020; Мартынов, 2022]. В фундаментальном обзоре эволюции международной деятельности Соединенных Штатов указано, что доктрина «вплоть до наших дней является неотъемлемым атрибутом внешней политики США» [Печатнов, Маныкин, 2012: 64].

Неудивительно, что интеллектуальные истоки и историческое значение «доктрины Монро» на протяжении длительного времени оставались предметом не только общественно-политических дебатов, но и академического изучения. Уже составленный в 1919 г. библиографический перечень включал более 900 публикаций, содержавших отсылки к ней [List of references on the Monroe Doctrine, 1919]. Он свидетельствовал, что наряду с политизированными памфлетами с XIX в. появлялись серьезные изыскания правовых оснований доктрины, давались научно обоснованные оценки области ее применимости.

Показательный пример — работы Джона Бассета Мура 1890-х годов. В них, в частности, автор поднимал вопрос о соотношении

¹ Как будет показано далее, содержание и политико-правовое положение рассматриваемого феномена характеризовались изменчивостью и существенной амбивалентностью. В связи с тем, что «доктрина Монро» представляет скорее метафорическую мифологему, чем строго определенную и четко зафиксированную догму, здесь и далее это выражение будет употребляться в кавычках, за исключением случаев цитирования.

оборонительных мотивов предупреждения угроз со стороны европейских держав и наступательных амбиций установления США регионального доминирования при формулировании «доктрины Монро» [Moore, 1895, 1896]. Впоследствии этот сюжет оставался одним из стержневых в исследовательских дискуссиях. Сам Дж. Мур придерживался осторожных оценок, не находя в доктрине оснований для противодействия связям европейских держав с Латинской Америкой.

Важнейший вклад в осмысление «доктрины Монро» внес Декстер Перкинс. В первой половине XX в. он представил подробное систематическое обобщение как обстоятельств выработки президентского послания Джеймса Монро 1823 г., так и его последующих интерпретаций, которое выдержало множество переизданий [Perkins, 1963]. Д. Перкинс одним из первых указал на многозначность доктрины и многообразие ее трактовок. Такое признание позволяло сгладить остроту дискуссий о ее истинном смысле: «доктрина Монро» оказывалась формой, способной вмещать разнобразное содержание².

При этом если Д. Перкинс в описании истоков доктрины акцентировал российско-американские противоречия относительно ситуации на тихоокеанском побережье Северной Америки и страхи перед интервенцией консервативных монархий, то другие специалисты склонны были позиционировать послание 1823 г. в первую очередь как антибританский демарш [Tatum, 1936]. Ревизию обстоятельств появления документа предпринял Эрнст Мэй, поместивший его в контекст внутривойсковой борьбы в США накануне выборов 1824 г. [May, 1975]³. В начале XXI в. уточнению понимания «доктрины Монро» способствовали работы Марка Гильдерхуза, Марко Мариано, Джея Секстона [Gilderhus, 2006; Sexton, 2011; Mariano, 2013, 2015].

² Такая содержательная релятивизация «доктрины Монро» нашла наиболее последовательное отражение в книге Гретхен Мерфи, построенной на сопоставлении внешнеполитического дискурса с образами, формировавшимися в американской художественной литературе XIX в. [Murphy, 2005].

³ Ключевым оппонентом Э. Мэя выступил Гарри Аммон, отстаивавший примат внешнеполитических соображений при принятии решений администрацией Дж. Монро [Ammon, 1981].

Отдельный пласт литературы был посвящен переосмыслению «доктрины Монро» на рубеже XIX–XX вв.⁴ Уолтер Лафибер определил этот процесс как «имперское перерождение» [LaFeber, 1986]. Специальные исследования фокусировались на вкладе в него выдающихся государственных деятелей США того периода (Ричарда Олни, Теодора Рузвельта, Элиу Рута, Генри Кэбота Лоджа) [Bailey, 1933; Veese, 2003; Maass, 2009; Thompson, 2015; Rossi, 2019]. Их усилия обеспечили приспособление «доктрины Монро» к нуждам американского империализма 1890–1920-х годов.

Наряду с исследователями из Соединенных Штатов изучению доктрины закономерно уделяли большое внимание латиноамериканские специалисты. Их публикации получили ограниченное освещение за пределами испаноязычного и португальского сообществ ввиду языкового барьера. Между тем эти работы углубили понимание особенностей восприятия «доктрины Монро» в странах Западного полушария в разные исторические эпохи. Оно характеризовалось существенной изменчивостью и не всегда оказывалось жестко негативным, как принято считать [Correa, 2014; Gonzalez, 2005; Guzmán, 1982; Sánchez Padilla, 2016; Teixeira, 2014].

В отечественной науке наиболее крупным исследованием «доктрины Монро» остается труд Н.Н. Болховитинова, опубликованный в 1959 г. [Болховитинов, 1959]. От зарубежных работ его отличает следование марксистской методологии, обосновывавшей выработку послания 1823 г. структурой классовых отношений. Кроме того, анализ документа включался в исследования более широких исторических процессов. Так, М.О. Трояновская связывала с его появлением завершение этапа становления внешней политики США, определявшегося поиском дипломатической идентичности [Трояновская, 2010].

В свою очередь А.А. Исэров продемонстрировал амбивалентность восприятия Соединенными Штатами новообразованных государств Латинской Америки, что предопределило одностороннее объявление «доктрины Монро», а также сдержанность в ее применении в последующие десятилетия [Исэров, 2011]. Другие отечественные публикации по «доктрине Монро» на протяжении

⁴ См. обобщающую монографию по этому периоду: [Brune, 2020].

2010-х годов преимущественно воспроизводили ранее сделанные оценки в отсутствие новых источников или оригинальных исследовательских подходов [Трояновская, 2014; Шихов, 2017; Михалев, Звощик, 2018].

Настоящая статья не претендует на представление очередного обобщающего обзора эволюции «доктрины Монро», в котором охватывался бы весь спектр ее реинтерпретаций⁵. Автор концентрируется на выявлении роли этого идейного конструкта в качестве ресурса стигматизации вмешательств других держав во внутренние дела стран Латинской Америки и обоснования американских интервенций. В этой связи в поле анализа оказывается дискурс представителей исполнительной власти США в контексте вооруженных интервенций в Западном полушарии с момента выдвижения доктрины до 1930-х годов.

В ходе исследования рассматривались случаи открытого вмешательства во внутренние дела в странах Латинской Америки со стороны европейских держав и самих Соединенных Штатов. После этого анализировались официальные заявления и дипломатическая переписка американского руководства в выявленных ситуациях с опорой на архивные документы и научные публикации. В них фиксировались отсылки к «доктрине Монро», а также отсутствие таковых. Подобные умолчания — знаковый маркер с учетом риторического потенциала рассматриваемого концепта в рамках анализируемого дискурса.

Исследование сосредоточено на применении «доктрины Монро» в качестве риторического ресурса США во взаимодействии с европейскими державами. Ее роль во внутривластной легитимации внешнеполитического курса находилась за рамками изучения. Вместе с тем в анализ включались отдельные обращения президентов к Конгрессу (в том числе первоначальное послание Дж. Монро), которые использовались для трансляции сигналов в том числе зарубежным аудиториям.

⁵ В частности, за рамками рассмотрения остается обращение к «доктрине Монро» президента Джеймса Полка в контексте споров с Великобританией по поводу Орегона или «следствие Лоджа», направленное против приобретения территорий в Западном полушарии зарубежными компаниями.

Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена переходом США в период правления Франклина Делано Рузвельта к политике «доброго соседа», не допускавшей открытого вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Статья не затрагивает острую полемику относительно применимости «доктрины Монро» к последующей политике Вашингтона во второй половине XX — начале XXI в. [Smith, 1994]. Рассматриваемый период дает достаточный материал для осмысления практик легитимации вмешательства.

Проведенный анализ показывает: несмотря на статус «доктрины Монро» как краеугольной опоры внешней политики США, она играла ограниченную роль как в дипломатическом оправдании, так и в стигматизации случаев вмешательства. Позиция Вашингтона отличалась непоследовательностью и в отношении к интервенциям других держав, и в обосновании собственных действий. Такое поведение указывает на ситуативную обусловленность практик легитимации вмешательств, объясняя их низкую убедительность. Выявленные закономерности проявляются и в случаях интервенционизма начала XXI в., что свидетельствует о релевантности полученных выводов.

Анализ начинается с обсуждения роли легитимности в международной политике. Затем рассматривается соотношение принципов невмешательства и вмешательства во взаимодействия государств. После этого анализируются обстоятельства появления президентского послания 1823 г. Оцениваются действия США по отстаиванию недопустимости европейского вмешательства во внутренние дела стран Западного полушария. Далее рассматривается становление американского интервенционизма. Прослеживаются отсылки к «доктрине Монро» в контексте интервенций США на стыке XIX–XX вв. В заключении обобщаются теоретические следствия проведенного анализа.

Практики легитимации в международном обществе

Концепт «легитимности» занимает одно из центральных мест в политических исследованиях. В качестве научной категории его выдвинул Макс Вебер, который понимал под легитимностью признание со стороны значимых референтных групп права субъекта на

осуществление властного воздействия [Вебер, 1990: 637]⁶. Легитимная власть противопоставляется контролю, обеспеченному насильственным принуждением. Она предполагает опору на интересубъективные представления, а не только на материальные возможности.

Ценность легитимности обусловлена тем, что можно экономить ресурсы на преодоление внешнего сопротивления собственным действиям [Lake, 2011]. Социальное признание побуждает к добровольному подчинению воле субъекта, отказу от оспаривания его политики. Кроме того, оно выступает источником психологического вознаграждения для обладателя легитимности. В этом отношении признание легитимного характера действий служит удовлетворению статусных амбиций их инициатора⁷.

Обретение легитимности обусловлено соответствием поведения субъекта нормативным ожиданиям референтных групп [Beetham, 1991: 67–99]. Следовательно, для обретения признания он вынужден обращаться к практикам легитимации, под которыми понимаются дискурсивные стратегии, направленные на обоснование проводимой политики [Колмогорова, 2018]. Стратегические акции, преследующие практические цели, требуют их сопровождения коммуникативными действиями, нацеленными на убеждение референтных групп в приемлемости, уместности, необходимости предпринимаемых действий [Risse, 2000].

В политологии проблема легитимности в первую очередь связывается с признанием полномочий верховной власти со стороны управляемых. Поскольку межгосударственные отношения протекают в условиях анархии, длительное время исследователи-международники не уделяли большого внимания рассматриваемому понятию⁸. Однако по мере осознания социального характера взаимодействий государств такое игнорирование породило критику, за которой последовал рост обращений к концепту легитимности

⁶ Стоит оговориться, что право в данном случае не равнозначно юридическому правилу, и, как следствие, легитимность не тождественна легальности.

⁷ Высокая значимость последних в межгосударственных взаимодействиях была продемонстрирована, например, в работах: [Status in world politics, 2014; Renshon, 2017; Larson, Shevchenko, 2019].

⁸ Тем не менее оно играло большую роль в построениях, отстаивающих значимость иерархических структур в международной политике [см.: Lake, 2011; Kissinger, 2015].

в международных исследованиях [Williams, 1996; Hurd, 1999; Clark, 2005].

При этом правительства сталкиваются с необходимостью оправдания политики перед множеством аудиторий, а значит, и с различными, порой конкурирующими требованиями легитимации⁹. С одной стороны, они заинтересованы в обеспечении признания проводимого курса собственным населением, для чего необходимо доказывать, что тот в первую очередь обусловлен заботой о его благе. В этой связи проверенным средством внутривнутриполитической легитимации внешней политики является апелляция к национальным интересам¹⁰. С другой стороны, государства вынуждены обосновывать свои действия в глазах зарубежных аудиторий, среди которых привилегированное положение принадлежит иностранным правительствам. Дальнейший анализ фокусируется именно на этих практиках легитимации, когда субъект действия признается в качестве равного. Именно здесь особенно ярко проявляется социальный характер взаимодействий в рамках международного общества, понимаемого как продукт социализации государств [Bull, 1977; Wendt, 1999].

Между тем в данном случае ссылка на национальные интересы не является столь же убедительным источником легитимации, как внутри страны. В отсутствие других обоснований проводимой политики она воспринимается как отражение асоциальной корысти, противоречащей критериям приемлемости. Государственный эгоизм дает слабую нормативную основу признания в международном обществе. Как следствие, успешная легитимация в глазах внутривнутриполитической аудитории может иметь дискредитирующие последствия для восприятия действий государства среди зарубежных контрагентов. Правительства сталкиваются с дилеммой обеспечения внутренней и внешней легитимности.

⁹ На трудности совмещения требований, предъявляемых к внешней политике на международном и внутреннем уровнях, указывал Роберт Патнэм [Putnam, 1988].

¹⁰ Концепт «национального интереса» помогает правительству убедить общественность, что даже если отдельный гражданин не чувствует непосредственной выгоды для себя, то сообщество, к которому он принадлежит, выигрывает от проводимой политики.

Одновременно государства взаимодействуют в условиях дефицита кодифицированных правил в международных отношениях, а главное — авторитетных органов их интерпретации, что затрудняет прояснение нормативных ожиданий участников взаимодействия. Как следствие, в практиках легитимации правительства апеллируют к обоснованиям, не связанным с юридической квалификацией их действий, в том числе к аналогиям из других областей, историческим прецедентам и, особенно, устоявшимся обычаям. Именно отсылка к устоявшейся традиции выступает в конечном счете ключевым аргументом в обосновании легитимности. Она предполагает представление текущей политики как воспроизводства предшествующих практик [Роскок, 1968: 212]. Авторитет прошлого используется для обоснования действий в настоящем. При этом нередко такие нарративы опираются на избирательные, искаженные или даже полностью выдуманные представления об историческом опыте [Jeffery, 2005]. Тем не менее демонстрация последовательности в практиках легитимации выступает значимым ресурсом убедительности. От государства стоит ожидать повторения одних и тех же риторических приемов для обеспечения признания проводимой политики.

Поддержание последовательности осложняется динамическим характером изменений во внешней среде и внутри государств, а также спецификой конкретных ситуаций. Правительства вынуждены не только балансировать различные требования легитимации своих действий в глазах множественных аудиторий, но и увязывать обеспечение признания с достижением практических результатов¹¹. Таким образом, в международных отношениях обретение легитимности нередко оказывается даже более сложной задачей, чем во внутренней политике, несмотря на менее жесткие регламентирующие рамки.

Нормативный статус интервенций в международном обществе

Нормативные оценки иностранных интервенций сильно менялись на протяжении истории. Их ревизия определялась взаимной адаптацией практических действий государств и международно-

¹¹ В этой связи к процессам легитимации широко применим вывод конструктивистов 2000–2010-х годов о непрекращающемся оспаривании социальных конструкторов [см.: Wiener, 2014; Niemann, Schillinger, 2017].

правового дискурса по поводу вмешательства. При этом институт суверенитета — одна из конституирующих основ международного общества [Buzan, 2004: 184–187]. Он закрепляет положение государств как системообразующих элементов формируемого порядка. Соответственно в нормативном оспаривании лидирующую роль играет осуждение интервенционизма, которое, тем не менее, наталкивается на контраргументацию.

Становление принципа невмешательства в качестве политико-правовой категории относится к периоду раннего Нового времени. Прецедентным стал Аугсбургский мир 1555 г., утвердивший формулу «*cuius regio, ejus religio*»¹². Позднее максима о недопустимости вмешательства во внутренние дела получила закрепление в трактатах авторитетных правоведов Самуэля фон Пуфендорфа, Христиана фон Вольфа, Эмера де Ваттеля [Vincent, 2015: 27–31]. К началу XX в. специалисты говорили о ней как о признанной норме международного права, хотя и допуская ряд исключений [Мартенс, 2008: 144].

В 1933 г. на Конференции американских государств в Монтевидео было установлено, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние и внешние дела другого»¹³. Устав ООН не содержал положения, прямо запрещающего иностранное вмешательство, но утверждал суверенное равенство государств, не согласующееся с навязыванием воли извне. Весомый вклад в юридическую стигматизацию интервенций внесла Декларация о принципах международного права, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. консенсусом¹⁴.

¹² «Чья власть, того и вера».

¹³ Convention on the Rights and Duties of States, adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26, 1933 // United Nations Treaty Collection. P. 25. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (accessed: 25.09.2023).

¹⁴ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 25.09.2023). ГА ООН приняла также ряд специальных резолюций о недопустимости вмешательства, но голосование по ним не было единогласным, что породило дискуссии об их нормативном статусе.

Несмотря на всё перечисленное, между 1555 и 2000 гг. насчитывалось 198 случаев внешнего вооруженного вмешательства в целях смены руководства стран. При этом тенденции к снижению частоты интервенций в рассматриваемый период не просматривалось [Owen, 2002]. Распространенность случаев вмешательства во внутренние дела побудила Стивена Краснера охарактеризовать государственный суверенитет как организованное лицемерие: правительства декларировали его нерушимость, но на деле регулярно нарушали [Krasner, 1999].

Между тем инициаторы интервенций редко шли на прямое игнорирование принципа невмешательства. Они демонстрировали неготовность к циничному признанию национального эгоизма¹⁵ и вместо этого вели поиск политико-риторических ресурсов обоснования своей политики для обеспечения признания предпринимаемых действий как легитимных. В этой связи государства противопоставляли запрету на вмешательства иные нормативные конструкты, которым стремились придать превалирующую прескриптивную силу. Основания такой легитимации в различные исторические периоды различались.

В частности, после 1815 г. консервативные монархии оправдывали подавление революционных выступлений в европейских государствах рисками для международного порядка. В годы холодной войны США обосновывали вмешательство борьбой с коммунизмом, а советские руководители ссылались на необходимость защиты завоеваний социализма для оправдания ввода советских войск в страны Восточной Европы. В 1990–2000-е годы западные правительства утверждали, что их интервенции преследовали гуманитарные цели, содействуя защите прав человека.

Таким образом, на протяжении истории сохранялась напряженность между требованиями невмешательства и легитимацией интервенций. Элементом дискурсивных столкновений выступало оспаривание того, какие политические объединения достойны статуса суверенных и какие действия конституируют недопустимое вмешательство во внутренние дела [Weber, 1995; Damrosch, 1989;

¹⁵ Показателен тезис представителей классического политического реализма об искренности государств в их отождествлении национальных интересов и универсальной морали [см.: Carr, 1946: 96].

Aloupi, 2015]. При этом ревизия нормативных подходов не носила направленный характер — нет оснований утверждать, что по мере становления международного общества стигматизация вмешательства усилилась, а аргументация в пользу интервенционизма ослабла.

Более того, пример переосмысления «доктрины Монро» показывает прямо противоположную динамику: идейный конструкт, сформулированный первоначально для осуждения интервенционизма, со временем превратился в ресурс оправдания вмешательства. Вместе с тем последующий анализ продемонстрирует, что США, выступившие автором доктрины, во многих случаях не выказывали рвения в ее приложении. Их пример демонстрирует трудности поддержания последовательности в практиках легитимации и стигматизации.

При этом конститутивное положение института суверенитета в поддержании международного общества приводит к тому, что оправдание вмешательства требует больших затрат риторических ресурсов, чем их осуждение. Ввиду этой асимметрии непоследовательность в легитимации интервенций чревата большими проблемами с точки зрения обеспечения признания, чем непоследовательность в их стигматизации. Она грозит интенсивным оспариванием и противодействием проводимой политике со стороны зарубежных аудиторий.

Изменение сложившегося соотношения возможно лишь в случае беспрецедентного укрепления транснациональных связей при одновременном ослаблении социальности в межгосударственных взаимодействиях. Революционистские подходы к международным отношениям нередко указывают на предвестников такого изменения. Тем не менее его осуществление в обозримой перспективе не просматривается. В этой связи предшествующий опыт попыток легитимации и стигматизации вмешательства остается релевантен для современной политики.

«Доктрина Монро» в оспаривании европейского интервенционизма

2 декабря 1823 г. президент США Джеймс Монро, следуя конституционной традиции, направил в Конгресс ежегодное послание. Наряду с положениями, характеризовавшими ситуацию в стране и мире, оно содержало ряд прескриптивных утверждений, в том

числе следующее: «Американские континенты ввиду свободного и независимого состояния, которое они приняли и поддерживают, впредь не должны рассматриваться как предмет будущей колонизации какими-либо европейскими державами»¹⁶.

Дж. Монро также утверждал, что «союзные державы не способны распространить свою политическую систему на любую часть одного из двух континентов [Северная и Южная Америка], не поставив под угрозу наш мир и счастье; и также никто не поверит, что наши южные собратья, если их предоставить самим себе, примут ее по собственной воле. В этой связи невозможно, чтобы мы равнодушно отнеслись к такому навязыванию в какой бы то ни было форме»¹⁷.

Эти пассажи приобрели ореол программных заявлений, заложив основу «доктрины Монро». Они постулировали два ключевых положения, которые претендовали на нормативный статус: недопустимость расширения территориального контроля европейских держав в Западном полушарии и недопустимость их вмешательства в политику стран региона. Впоследствии эти положения стали обрастать дополнительными следствиями. Среди них, например, недопустимость передачи территорий в Западном полушарии от одного государства другому (в том числе латиноамериканскому)¹⁸.

При этом изначально послание 1823 г. представляло собой ситуативную реакцию на текущие вызовы, стоявшие перед внешней политикой США. Во-первых, Вашингтон опасался расширения русских владений на тихоокеанском побережье Северной Америки. Во-вторых, хождение имели спекуляции относительно возможной интервенции Священного союза (его подразумевал Дж. Монро, говоря о «союзных державах») для восстановления власти Испании над недавно утерянными колониями в Западном полушарии.

В свете этих слухов летом 1823 г. премьер-министр Великобритании Джордж Каннинг передал американскому посланнику в Лондоне Ричарду Рашу предложение выступить с совместным осуждением

¹⁶ December 2, 1823: Seventh Annual Message (Monroe Doctrine) // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1823-seventh-annual-message-monroe-doctrine> (accessed: 25.09.2023).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Джон Логан отмечал, что принцип 'no transfer' предшествовал посланию 1823 г. и оставался наиболее последовательно осуществляемым положением американской внешнеполитической доктрины [Logan, 1961].

возможного вторжения¹⁹. Государственный секретарь США Джон Куинси Адамс скептически отнесся к перспективе такого демарша. Ему удалось убедить президента сделать одностороннее заявление о неприятии европейского вмешательства в дела недавно образованных латиноамериканских государств²⁰.

Подход Дж. Адамса и сформулированные на его основе положения послания Дж. Монро опирались на ранее оформившуюся в американской внешнеполитической мысли концепцию «двух систем», которая предполагала дистанцирование Западного полушария от Европы [Whitaker, 1954]. Ее интеллектуальные истоки прослеживались в одиннадцатой статье сборника «Записки федералиста», написанной Александром Гамильтоном в 1787 г. Рассуждения о роли правительства в развитии коммерции и мореплавания он заключил призывом к созданию «системы американских отношений»²¹.

Схожие идеи присутствовали и в прощальном послании Джорджа Вашингтона 1796 г., утверждавшего, что европейские державы руководствуются интересами, которые не имеют отношения к США. В этой связи он призывал не вступать с ними в альянсы²². Томас Джефферсон, длительное время отстаивавший союз с Францией, в 1813 г., тем не менее, писал, что «Америка имеет для себя полушарие. Она должна иметь свою отдельную систему интересов, которые не должны быть подчинены интересам Европы»²³.

¹⁹ См., в частности: Letter from George Canning to Richard Rush // Theodore Roosevelt Center. Available at: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record/ImageViewer?libID=o25465&imageNo=1> (accessed: 25.09.2023).

²⁰ Послание Монро стало частью подхода, который Дж. Адамс характеризовал как «комбинированную систему политики» (*combined system of policy*). Она включала также ответ на предложение Дж. Каннинга по дипломатическим каналам и серию обсуждений с российским посланником Ф.В. Тейлем. Относительно торгова внутри американской администрации по инициативе Дж. Каннинга см.: [May, 1975].

²¹ The Federalist Papers: No. 11. The Utility of the Union in Respect to Commercial Relations and a Navy. For the Independent Journal // The Avalon project: Documents in law, history and diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed11.asp (accessed: 25.09.2023).

²² Washington's Farewell Address 1796 // The Avalon project: Documents in law, history and diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (accessed: 25.09.2023).

²³ Thomas Jefferson to Alexander von Humboldt, 6 December 1813 // National Archives. Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-07-02-0011> (accessed: 25.09.2023). Впоследствии Т. Джефферсон высказывал схожие оценки в переписке

Таким образом, к началу XIX в. в американском истеблишменте сложился консенсус относительно необходимости удаления европейских держав с Американских континентов²⁴. Вместе с тем в послании Дж. Монро с учетом имевшегося соотношения сил декларировались более ограниченные амбиции. Его автор не ставил под сомнение текущие владения внерегиональных государств. Он выступал против их расширения как путем колонизации, так и за счет установления политического контроля над странами, которые были ранее признаны США.

При этом американская администрация не консультировалась с новообразованными государствами Латинской Америки, которые признала годом ранее в качестве независимых [Исэров, 2011: 183–203]. Она вообще не интересовалась их отношением к заявленным требованиям²⁵. Послание не содержало отсылок к моральной аргументации или положениям международного права. Оно апеллировало исключительно к интересам США — предупреждая, что интервенции европейских держав в Западном полушарии поставят «под угрозу наш мир и счастье». Впоследствии опора на расширительную трактовку национальной безопасности оставалась основным аргументом Вашингтона в обоснование «доктрины Монро».

Несмотря на то что послание Конгрессу — внутриполитический документ, его содержание было оперативно передано в зарубежные столицы по дипломатическим каналам. Европейские державы ожидаемо восприняли претензии США как необоснованные²⁶: они не подкреплялись ни военной силой, ни устоявшейся практикой. Более

с Дж. Монро относительно предложений Дж. Каннинга. См.: From Thomas Jefferson to James Monroe, 24 October 1823 // National Archives. Available at: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/98-01-02-3827> (accessed: 25.09.2023).

²⁴ В этой связи заместитель госсекретаря Рубен Кларк в обзоре исторических истоков «доктрины Монро» для президента США Калвина Кулиджа в 1928 г. констатировал: «...принципы, облеченные в определенные формулы доктрины, задолго до этого стали общим достоянием американских государственных деятелей». См.: Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. XV.

²⁵ Американская администрация при формулировании послания также не придавала субъектности индейскому населению, которое продолжало заселять большую часть обоих Американских континентов [Fitz, 2023].

²⁶ В частности, император Александр I утверждал, что в речи американского президента «излагаются настолько необоснованные взгляды и претензии, выдвиг-

того, положение о недопустимости вмешательства противоречило постулируемому Священным союзом принципу легитимизма, обосновывавшему необходимость восстановления *status quo ante* после Наполеоновских войн²⁷.

Между тем иностранная интервенция в поддержку претензий Испании в Западном полушарии так и не состоялась. Относительно изначальной готовности Священного союза ее осуществлять имелись серьезные сомнения. Окончательно похоронила эти планы отрицательная позиция Лондона, доведенная до сведения Франции еще до публикации обращения Дж. Монро²⁸. Это не помешало американскому президенту в послании 1824 г. заявить, что европейские державы «по-видимому, признали» обоснованность американских притязаний²⁹.

Однако, несмотря на подобную оценку, в последующие два десятилетия американские руководители не повторяли своих предостережений. В тот период в дипломатической риторике Вашингтона практически отсутствовали отсылки к посланию 1823 г. Отчасти временное его забвение объяснялось внутривнутриполитическими причинами. С 1829 г. у власти в США находились непримиримые противники Дж. Адамса. Они не были склонны апеллировать к документу, центральную роль в формулировании которого сыграл их заклятый оппонент³⁰.

гаются принципы, настолько противоречащие правам европейских держав, что она заслуживает самого глубокого презрения» [цит. по: Трояновская, 2010: 296].

²⁷ В рамках этого подхода в 1821 г. Франция совершила интервенцию в Испанию для восстановления монархического правления. Пример этого вмешательства подкреплял американские опасения относительно интервенционизма Священного союза.

²⁸ Communications with France and Spain relating to the Spanish American provinces. Volume 10: Debated on Thursday 4 March 1824. Extract of a Memorandum, of a Conference between the Prince De Polignac and Mr. Canning, held Oct. 9th, 1823 // UK Parliament. Hansard. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1824-03-04/debates/f6062981-7e32-4a66-a1d9-253d52122361/CommunicationsWithFranceAndSpain-RelatingToTheSpanishAmericanProvinces> (accessed: 25.09.2023).

²⁹ December 7, 1824: Eighth Annual Message // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-7-1824-eighth-annual-message> (accessed: 25.09.2023).

³⁰ В первую очередь речь идет об Эндрю Джексоне, который в 1825 г. уступил пост президента Дж. Адамсу в результате внутриэлитных махинаций. В 1829 г. Э. Джексон добился избрания главой государства благодаря поддержке вновь созданной Демо-

Вместе с тем большее значение имел общий скепсис в США относительно международно-политических обязательств, которые гипотетически могли привести к втягиванию в конфликты против собственной воли. Показательно, что и в правление Дж. Адамса (1825–1829), выступавшего основным архитектором «комбинированной системы политики», Вашингтон воздерживался от шагов в поддержку послания Дж. Монро. Так, в 1825 г. США отклонили предложение Бразилии об альянсе против Португалии, оспаривавшей отделение ее бывшей колонии [Manning et al., 1914: 35–36]³¹.

В 1826 г. утверждение посланника в Мексике Джоэля Поинсетта, что США обязались не допускать интервенций европейских держав в бывшие испанские владения, вызвало отповедь в Конгрессе. Ему пришлось сообщить мексиканской стороне, что послание Дж. Монро не имело обязывающей силы без санкции законодателей³². Демарш Дж. Поинсетта побудил президента Мексики Гуадалупе Викторию в обращении к национальному парламенту заявить, что нынешняя администрация США отреклась от обещаний, данных Дж. Монро [Manning et al., 1914: 51–52].

Еще одним обстоятельством, сдерживавшим амбиции США, выступала нехватка материального потенциала в подкреплении требований к европейским державам. В этой связи Вашингтон долгое время показательно оставлял без ответа приращения Великобритании в Западном полушарии. Например, в 1833 г. США не поддерживали Аргентину после британского захвата Фолклендских (Мальвинских) островов³³. Только после американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Вашингтон стал более настойчиво противодействовать европейскому интервенционизму.

кратической партии. В 1837 г. его сменил другой представитель демократов — Мартин Ван Бюрен. О политической поляризации 1820–1830-х годов см.: [Parsons, 2009].

³¹ Ранее, в 1824 г., еще в качестве государственного секретаря Дж. Адамс аналогичным образом отклонил обращение Великой Колумбии по поводу гарантий на случай интервенции Франции [Perkins, 1963: 69].

³² Впоследствии положения «доктрины Монро» так ни разу и не получили формального одобрения Конгресса, несмотря на многочисленные отсылки к ней в ходе дебатов и в Сенате, и в Палате представителей.

³³ На позицию Вашингтона также могли влиять притеснения американских рыбаков со стороны представителей аргентинских властей на архипелаге [Klafter, 1984; Maisch, 2000].

В этих условиях обращение к посланию 1823 г. предоставило риторический ресурс для обоснования недопустимости внерегионального вмешательства в дела Западного полушария. Оно позволяло придать усилившемуся оспариванию политики европейских держав авторитет устоявшейся традиции. Как следствие, в 1840-х годах администрация Джеймса Полка реанимировала положения, выдвинутые Дж. Монро, хотя и ограничила их приложение только Северной Америкой и Карибским бассейном³⁴.

Ведущим оппонентом опоры на послание 1823 г. в тот период выступил сенатор Джон Калхун, принимавший непосредственное участие в обсуждении его положений в качестве военного министра в администрации Дж. Монро. Дж. Калхун подчеркивал, что выдвинутые утверждения представляли декларацию, не имевшую обязывающей силы и неприменимую в новых условиях, благо Священный союз, против которого она была направлена, прекратил существование³⁵. Несмотря на такое противодействие, к началу 1850-х годов положения, сформулированные в послании Дж. Монро, обрели статус доктринальных для внешней политики США³⁶.

Тем не менее и в последующие десятилетия американская дипломатия прибегала к «доктрине Монро» избирательно. Непоследовательность ярко проявилась в 1860-х годах. Начавшаяся Гражданская война в США открыла окно возможностей для реализации амбиций Испании и Франции в Западном полушарии³⁷. В 1861 г. Мадрид принял предложение правителя Доминиканской Республики Педро Сантаны о возвращении Санто-Доминго в лоно

³⁴ Polk J.K. First Annual Message. December 2, 1845 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/first-annual-message-6> (accessed: 25.09.2023). При этом Дж. Полк в первую очередь апеллировал к «доктрине Монро» в переговорах по территориальному размежеванию с Великобританией в Орегоне.

³⁵ The congressional globe. New series: Containing sketches of the debates and proceedings of the first session of the thirtieth Congress. Washington, D.C.: Blair & Rives, 1848. P. 770. Критика Дж. Калхуна положила начало регулярно появлявшимся в американском политическом дискурсе утверждениям, что «доктрина Монро» устарела и потеряла свое значение.

³⁶ Само выражение «доктрина Монро» впервые появилось в прессе в 1853 г. при освещении дебатов в Конгрессе. Только после этого оно проникло в официальную риторику [Perkins, 1963: 99].

³⁷ О вызовах дипломатии США в контексте Гражданской войны см.: [Fry, 2019].

испанской короны. Параллельно Наполеон III организовал интервенцию в Мексику для установления монархии под властью Максимилиана Габсбурга.

Победа Вашингтона в Гражданской войне стимулировала напористое оспаривание маневров европейских держав. Вместе с тем государственный секретарь Уильям Сьюард исповедовал дифференцированный подход. В требованиях к Испании оставить Санто-Доминго США прямо указывали на то, что действия Мадрида противоречили положениям «доктрины Монро»³⁸. В протестах против экспедиции Франции У. Сьюард воздержался от отсылок к ней, сделав упор просто на негативном восприятии таких действий американской общественностью³⁹ [Bancroft, 1896; Perkins, 1963: 122–138; Valone, 1995; Sexton, 2011: 126–127].

³⁸ Еще 19 июня 1861 г. американский поверенный в делах Горацио Перри представил испанскому правительству решительный протест против распространения юрисдикции Мадрида на Санто-Доминго, прямо отсылавший к посланию Монро [Perkins, 1963: 140–141].

³⁹ Показательны инструкции, направлявшиеся У. Сьюардом посланнику в Париже, в которых госсекретарь использовал аргументацию, схожую с той, что ранее выдвигал Дж. Монро, но избегал упоминания послания 1823 г. Например: «...это правительство [имеются в виду США] прекрасно знает, что преобладающее в Мексике мнение отдает предпочтение республиканскому по форме и внутреннему по своей организации правительству, а не любым монархическим институтам, навязанным из-за границы. Это правительство знает также, что это преобладающее мнение народа Мексики во многом возникло под влиянием общественных настроений в этой стране и постоянно подкрепляется ими. Более того, президент считает, что это общественное мнение, сложившееся в Соединенных Штатах, справедливо и чрезвычайно важно для прогресса цивилизации на Американском континенте, каковая цивилизация, по его мнению, может и будет, если ее оставить свободной от европейского противодействия, существовать гармонично одновременно с совершенствованием прогресса на других континентах. Это правительство считает, что иностранное противодействие или попытки контролировать американскую цивилизацию должны потерпеть и потерпят неудачу перед лицом непрекращающейся и постоянно возрастающей активности материальных, моральных и политических сил, которые принадлежат Американскому континенту. Соединенные Штаты также не отрицают, что, по их мнению, их собственная безопасность и счастливая судьба, к которой они стремятся, тесно зависят от сохранения свободных республиканских институтов по всей Америке». См.: Papers relating to foreign affairs, accompanying the annual message of the President to the first session thirty-eighth Congress, part II. Document 103: Mr. Seward to Mr. Dayton. Department of State, Washington, September 26, 1863 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1863p2/d103> (accessed: 25.09.2023).

Подобное умолчание показательно, так как интервенция Наполеона III представляла наиболее масштабный случай европейского вмешательства в целях навязывания политической системы за всё XIX столетие. Тем не менее педалирование «доктрины Монро» могло контрпродуктивно сказаться на перспективах вывода иностранных сил из Мексики, задев амбиции Парижа⁴⁰. В результате У. Сьюард выбрал осторожную линию противодействия, отражавшую больший потенциал Франции в сравнении с Испанией⁴¹. Французский контингент был эвакуирован к 1867 г.

Таким образом, США не демонстрировали последовательности в обращении к «доктрине Монро» во внешнеполитической риторике. На их подход влияли как внутривнутриполитические противоречия, так и стремление не допускать столкновений с европейскими державами. В том числе США уклонились от использования доктрины для стигматизации самого вопиющего случая европейского интервенционизма. Вашингтон действовал прагматично, с учетом особенностей конкретных ситуаций, не считаясь с возможным ослаблением нормативного значения заявленных положений.

Американский интервенционизм и ревизия «доктрины Монро» в XIX в.

Протестуя против европейских интервенций в Западном полушарии, США сами проводили наступательную политику с первых десятилетий своего существования. В начале XIX в. они предпринимали экспедиции против североафриканских государств, укрывавших пиратов. Война 1812–1814 гг. с Великобританией преследовала в том числе цель присоединения Канады. Передаче Флориды от

⁴⁰ Исключением стали ссылки американского консула в Александрии Уильяма Тайера на «доктрину Монро» в беседах с египетскими властями относительно направления африканских солдат в поддержку французского контингента в Мексику в 1863 г. Дипломату удалось отговорить Египет от дальнейшей поддержки интервенции Наполеона III [McGregor, 2021].

⁴¹ В частных разговорах У. Сьюард позднее утверждал, что его политика в отношении французской интервенции в Мексику определялась его пониманием «доктрины Монро». См.: Seward F.W. Reminiscences of a war-time statesman and diplomat. New York; London: G.P. Putnam's Sons, 1916. P. 427. В ходе предшествующей карьеры сенатора У. Сьюард давал различные оценки «доктрине Монро». В одних выступлениях он восхвалял ее, в других — утверждал, что США переросли ее региональную ограниченность.

Испании США в 1819 г. предшествовали рейды американской армии на полуостров. Итогом войны 1846–1848 гг. стал переход под власть Вашингтона большей части территории Мексики.

Вторая половина XIX в. была отмечена ростом числа и расширением географии интервенций, большинство из которых более не преследовали цели территориального приращения [LaFeber, 1963]. Рубежной стала высадка в 1856 г. американского десанта на Панамском перешейке, принадлежавшем Новой Гренаде, для защиты американских граждан и их собственности. В промежутке до 1903 г. США предприняли еще 12 аналогичных интервенций в Панаме [McGuinness, 2008]. Общее число силовых акций в Латинской Америке с 1869 по 1897 г. приближалось к 6000 [Grandin, 2006: 20].

Следующий этап активизации американского империализма ведет отсчет с 1890-х годов. Он характеризовался сочетанием территориальной экспансии и практик неформального империализма. Прологом выступило участие США в свержении королевы Гавайев Лилиуокалани в 1893 г. [Kinzer, 2007: 9–30]. Война с Испанией 1898–1899 гг. завершилась аннексией Пуэрто-Рико, Филиппин и установлением протектората над Кубой. Последний закрепила «поправка Платта», обеспечивавшая США право вмешиваться в политику острова [Ивкина, 2015]. В 1903 г. поддержка Вашингтона обеспечила отделение Панамы от Колумбии.

Послание Дж. Монро 1823 г., отказывая европейским державам в праве навязывать политическую систему государствам Западного полушария, не содержало прямых оснований для вмешательства США в дела соседей. Как следствие, многочисленные американские интервенции XIX столетия не сопровождались отсылками к «доктрине Монро». Зачастую к ней апеллировали оппоненты экспансионизма, утверждавшие, например, что приобретение азиатской колонии (Филиппин) лишало США права на оспаривание европейских интервенций в Латинской Америке [Bryne, 2020: 19–24].

Тем не менее сторонники наступательного курса стремились реинтерпретировать доктрину для легитимации интервенционизма. Ранняя попытка ревизии была связана с юкатанским кризисом 1848 г. На протяжении 1840-х годов правительство Юкатана боролось за отделение от Мексики, одновременно страдая от индейских вы-

ступлений⁴². В поисках внешней поддержки оно обратилось к правительствам США, Великобритании и Испании, попросив каждое из них принять территорию под свой суверенитет.

Президент Дж. Полк с энтузиазмом отнесся к полученному предложению. Обращаясь к Конгрессу за одобрением содействия Юкатану, он сослался на «доктрину Монро», подчеркнув, что бездействие вызовет неприемлемую для США интервенцию Лондона или Мадрида⁴³. Таким образом, Дж. Полк обосновывал необходимость американского вмешательства упреждением конкурентов. Его усилия оказались безрезультатными — законодатели отвергли аннексию. Однако позднее идея превентивной интервенции реинкарнировалась в американской политике⁴⁴.

В 1895 г. Венесуэльский кризис инициировал новое переосмысление «доктрины Монро» в расширительном ключе. Каракас апеллировал к ней на протяжении предшествовавших десятилетий, добиваясь американской поддержки в территориальном споре с Лондоном, владевшим соседней Британской Гвианой. На фоне обострения конфликта в середине 1890-х годов госсекретарь США Ричард Олни направил премьер-министру Великобритании Роберту Солсбери меморандум с требованием принять американский арбитраж для разрешения взаимных претензий.

В указанном документе после изложения обстоятельств становления «доктрины Монро» следовало резюме: «...существует доктрина американского публичного права, опирающаяся на твердый принцип и широко подтвержденная прецедентами, которая уполномочивает и обязывает Соединенные Штаты рассматривать в качестве оскорбления насильственное обретение европейской державой политического контроля над американским государством». В другом

⁴² В ходе своей борьбы они неоднократно обращались к США за помощью [см.: De Armond, 1951].

⁴³ Special message. April 29, 1848 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-3672> <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-3672> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁴ Например, на него опирался президент Улисс Грант при обсуждении проекта аннексии Санта-Доминго. См.: Special message. May 30, 1870 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-2160> (accessed: 25.09.2023). Как и в случае с Юкатаном, Конгресс не поддержал инициативу администрации.

пассаже утверждалось, что США — фактический суверен в Западном полушарии, а «их указания — закон для субъектов, которым они навязывают свое посредничество»⁴⁵.

Р. Олни позиционировал «доктрину Монро» как обязывающее правило, обладающее силой, сравнимой с международно-правовыми актами. Кроме того, он давал широкую оценку ее применимости. В свете непосредственного повода демарша Р. Олни указывал: «Хотя спор касается пограничной линии, тем не менее, поскольку он возникает между государствами, он обязательно предполагает утерю одной стороной политического контроля и приобретение другой»⁴⁶. Как следствие, США претендовали на роль арбитра по широкому кругу вопросов, связанных с европейским присутствием в Западном полушарии.

В непосредственном ответе Р. Солсбери отверг американские попытки придать «доктрине Монро» нормативный статус, а тем более расширительную интерпретацию Р. Олни⁴⁷. Однако вскоре Великобритания согласилась на предложенный США арбитраж, де-факто подтвердив привилегированные права Вашингтона в Западном полушарии, а также переосмысленное понимание вмешательства. Показательно, что венесуэльские власти не были вовлечены в состо-

⁴⁵ Любопытно, как Р. Олни обошел требование одобрения Конгресса для обретения доктриной обязательной силы, декларируя: «Очевидно, что если правило открыто и единообразно провозглашалось и реализовывалось исполнительной ветвью власти в течение более 70 лет без явного оспаривания Конгрессом, то следует считать достоверным, что оно имеет его [т.е. Конгресса] санкцию. Между тем, безусловно, не будет не чем иным, как абсолютной истиной, утверждать, что каждая администрация, начиная с президента Монро, имела возможность, а иногда и более чем единожды, изучить и рассмотреть “доктрину Монро” и в каждом случае энергично поддерживала ее». См.: Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Mr. Olney to Mr. Bayard. Department of State, Washington, July 20, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d527> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Lord Salisbury to Sir Julian Pauncefote. Foreign Office, November 26, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d529> (accessed: 25.09.2023).

явшуюся переписку и были впоследствии поставлены перед фактом американо-британского компромисса.

При всей наступательности своей риторики Р. Олни однозначно признавал, что «доктрина Монро» не давала США права на вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки⁴⁸. В этом отношении он придерживался более ограничительной интерпретации, чем ранее президент Дж. Полк. Таким образом, до конца XIX в. ревизия принципов, заявленных в послании 1823 г., так и не сформировала признанное в самих США оправдание интервенционизма. Тем не менее она заложила ту логику упреждения европейского вмешательства, которая с новой силой проявилась в начале XX в.

Истоки и следствия «дополнения Рузвельта»

К началу XX в. США превратились в одну из крупнейших держав мира. Европейские конкуренты всё более явственно соглашались с доминированием Вашингтона в Западном полушарии⁴⁹. Вместе с тем укрепление американских позиций не устранило опасений США. С ростом экономической и транспортной взаимосвязанности ожидался подрыв логики двух независимых систем, лежавшей в основе «доктрины Монро». Латинская Америка становилась всё более доступной для коммерческого и финансового проникновения извне, а технологический прогресс повысил возможности проекции силы через океанические пространства. Как следствие, закрепление логики превентивного вмешательства способствовало ревизии «доктрины Монро» в интервенционистском ключе.

Стимул к такому пересмотру дал второй венесуэльский кризис 1902–1903 гг. Отказ Каракаса от обязательств перед кредиторами вызвал блокаду побережья силами британо-германо-итальянской коалиции. Последние обстреливали прибрежные форты, угрожая

⁴⁸ Papers relating to the foreign relations of the United States, with the annual message of the President, transmitted to Congress December 2, 1895, part I. Document 527: Mr. Olney to Mr. Bayard. Department of State, Washington, July 20, 1895 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d527> (accessed: 25.09.2023).

⁴⁹ Наиболее показательным воплощением такого признания стало упоминание «доктрины Монро» в ст. 21 Статута Лиги Наций. См.: Pacte de la Societe des Nations. Février 1920 // United Nations Library & Archives Geneva. P. 9. Available at: https://libraryresources.unog.ch/ld.php?content_id=32971179 (accessed: 25.09.2023).

высадкой десанта. Администрация Теодора Рузвельта изначально признала оправданными их действия, однако недооценила общественное недовольство в США политикой европейских держав. В результате Вашингтон поменял позицию, потребовав снятия блокады. Окончательно спор урегулировал Гаагский арбитраж, присудивший Великобритании, Германии и Италии приоритетные права при погашении долгов.

Кризис продемонстрировал изъяны буквального прочтения «доктрины Монро» в условиях укрепления финансовых связей между странами. Ее положения не оспаривали право европейских держав на установление экономических отношений с государствами Латинской Америки. Между тем попадание последних в долговую зависимость порождало риски принудительных акций в интересах кредиторов. Силовые действия могли включать в том числе оккупацию портов для получения отчислений с таможенных сборов в счет уплаты долга.

Хроническая нехватка финансов у латиноамериканских правительств грозила превратить внешний контроль над таможенной и портами в постоянный, что было равносильно обретению европейскими державами новых владений в Западном полушарии. Более того, вердикт Гаагского арбитража, отдавший приоритет при взыскании долгов государствам, предпринявшим силовые акции, фактически поощрял интервенции. В результате для соблюдения принципа недопустимости европейского политического вмешательства США должны были либо заместить других кредиторов, либо взять на себя функцию гаранта выплат.

В результате в 1904 г. Т. Рузвельт в послании Конгрессу заявил: «Хронические проступки или беспомощность, ведущие к общему ослаблению связей цивилизованного общества, могут в Америке, как и в других частях мира, в конечном счете потребовать вмешательства какой-либо цивилизованной нации, и в Западном полушарии приверженность Соединенных Штатов “доктрине Монро” может принудить США, пусть неохотно, в вопиющих случаях таких проступков или беспомощности к осуществлению международной полицейской функции»⁵⁰. Эти утверждения впоследствии стали обозначаться как

⁵⁰ December 6, 1904: Fourth annual message // Miller Center. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1904-fourth-annual-message> (accessed: 25.09.2023).

«дополнение Рузвельта» (*Roosevelt Corollary*). Показательно, что оно непосредственно опиралось на отсылку к «доктрине Монро», хотя и радикально меняло смысл послания 1823 г.

Таким образом, логика превентивных действий привела к трансформации идеи о неприемлемости европейского интервенционизма в обоснование американского вмешательства. В последующие годы Вашингтон активизировал усилия в своем окружении по предотвращению новых поводов для принудительных акций европейских держав. Эта политика привела к расширению практики долгосрочного вмешательства в дела стран Карибского бассейна, для которых были характерны нестабильное финансовое положение и высокая политическая волатильность.

Прецедентным стало соглашение 1907 г. с Доминиканской Республикой, согласно которому контроль над таможней и, как следствие, национальными финансами передавался Вашингтону. Документ ставил местное правительство в полную зависимость от США, так как от них теперь зависел его доступ к денежным средствам, необходимым для исполнения государственных функций. Впоследствии это соглашение позиционировалось в качестве образца для других государств. Вместе с тем США задействовали не только политические и финансовые рычаги, но и силовое принуждение⁵¹.

В 1909–1910 гг. американский десант в Никарагуа содействовал смещению многолетнего президента Хосе Сантоса Селаи. Однако правительство, пришедшее к власти, не смогло стабилизировать ситуацию в стране. В результате в 1912 г. США инициировали новую интервенцию в Никарагуа и до 1926 г. сохраняли в нем ограниченный контингент, который сдерживал соперничавшие местные фракции. В 1927 г. новая гражданская война привела к повторной американской оккупации, продолжавшейся до 1934 г.

В 1915 г. США оккупировали Гаити, в 1916 г. — Доминиканскую Республику. В обоих случаях политика Вашингтона обуславливалась рисками обострения внутривнутриполитического противоборства. Следствием вмешательств стало установление военных администраций на многие годы. В 1916–1917 гг. вооруженные силы США предприняли экспедицию в Мексику для преследования повстанцев под

⁵¹ Подробнее о случаях американского интервенционизма в этот период см.: [Munro, 1964; Gobat, 2005; McPherson, 2014].

руководством Панчо Вильи, ранее совершавших рейды на американскую территорию (события разворачивались на фоне Мексиканской революции 1910–1919 гг.).

Перечисленные случаи следовали логике «дополнения Рузвельта» к «доктрине Монро», однако ни в одном из них США не обосновывали действия отсылкой к посланиям ни того, ни другого президента. Они апеллировали к необходимости восстановления легитимного правления, защиты американских граждан и интересов, но не оправдывали свою политику принципом недопущения европейского вмешательства или правом на выполнение международной полицейской функции. Отказ от использования в легитимации положений, которым ранее США приписали нормативный статус, вновь объяснялся сочетанием обстоятельств.

В первую очередь он был обусловлен кампанией Вашингтона по повышению престижа в странах Латинской Америки. С 1906 г. государственный секретарь США Элиу Рут стремился завоевать симпатии региональных правительств демонстрацией показного равноправия в отношениях [Rossi, 2019]. Между тем «доктрина Монро», к которой латиноамериканские государства на протяжении XIX в. сами неоднократно апеллировали, к 1900-м годам приобрела явственно негативную коннотацию как воплощение американского гегемонизма.

Кроме того, непоследовательность легитимации интервенций проистекала из внутривнутриполитических противоречий. Сменивший Т. Рузвельта в 1909 г. президент Уильям Тафт, несмотря на принадлежность к той же Республиканской партии, был менее склонен к ярким внешнеполитическим жестам, полагаясь на инструменты «долларовой дипломатии». В 1913 г. к власти пришел демократ Вудро Вильсон, остро критиковавший предшественников. На практике реализуя схожий империалистический курс, он стремился риторически дистанцироваться от них⁵².

⁵² Наиболее известным примером стала речь В. Вильсона в Мобиле, в которой он заклеил крупный бизнес, выбивавший несправедливые преференции у латиноамериканских государств. См.: Address before the Southern Commercial Congress in Mobile, Alabama. October 27, 1913 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-southern-commercial-congress-mobile-alabama> (accessed: 25.09.2023).

В 1916 г., обращаясь ко Второму панамериканскому научному конгрессу, В. Вильсон подчеркивал потребность в укреплении доверия между Вашингтоном и его соседями на основе признания политической независимости, территориальной целостности, взаимного отказа от подрывной деятельности. Он соглашался, что «доктрина Монро» порождала опасения латиноамериканских государств, но указывал, что ее положения не применимы к взаимодействию между представителями региона, а актуальны только в отношении возможной агрессии европейских стран⁵³. На фоне такой риторики неудивительно, что, санкционируя интервенцию в Доминиканскую Республику, через несколько месяцев американская администрация не стала делать отсылок к доктрине⁵⁴.

В 1923 г. США широко отмечали столетие «доктрины Монро» [Bryne, 2020: 172–175]. К тому времени она стала одним из ключевых мифов, конструирующих американскую идентичность. Между тем в дипломатии Вашингтона она фигурировала всё реже. В 1928 г. заместитель госсекретаря Рубен Кларк подготовил пространный обзор истории становления и применения «доктрины Монро». Он заключил, что «дополнение Рузвельта» не могло быть выведено из ее положений, которые не давали обоснования американского вмешательства в дела государств Западного полушария⁵⁵.

В 1930-е годы с принятием образа «доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки апелляции к «доктрине Монро» стали пропадать из внешнеполитического дискурса американских государственных деятелей (хотя отдельные упоминания имели место и позже)⁵⁶. В то же время и в предшествовавшие десятилетия

⁵³ Приводится по: Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. 176.

⁵⁴ Стоит также отметить, что интервенции 1915–1917 гг. осуществлялись на фоне Первой мировой войны, поглощавшей практически всё внимание и ресурсы европейских держав. Более того, они стремились приобрести благосклонность и поддержку Вашингтона в данном конфликте. В этих условиях потребность в легитимации американских действий в их глазах значительно ослабевала.

⁵⁵ Clark J.R. Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, D.C.: US Government Printing Office, 1930. P. XXIII.

⁵⁶ Например, Государственный департамент США в пресс-релизе от 14 июля 1960 г. декларировал актуальную применимость «доктрины Монро» на фоне расширения советско-кубинских связей [The United States reaffirms the Monroe Doctrine, 1965: 185–187]. Выступая на министерской встрече Организации американских

американские представители, провозглашая «доктрину Монро» в качестве влиятельного принципа, избирательно обращались к ней в приложении к конкретным ситуациям.

Ее реинтерпретация в наступательном ключе оправдывала превентивные интервенции в целях профилактики европейского присутствия в Западном полушарии. Тем не менее в начале XX в. «доктрина Монро» использовалась не более последовательно для легитимации американского интервенционизма, чем в предыдущее столетие для стигматизации конкурентов Вашингтона. И в том, и в другом случае преобладал ситуативный подход, формировавшийся под влиянием внутривластных соображений и дипломатической целесообразности.

* * *

Опыт «доктрины Монро» свидетельствует о пластичности идейных конструктов, значение которых с течением времени может меняться вплоть до противоположного. Как следствие, инструмент осуждения иностранного вмешательства во внутренние дела других государств был переосмыслен как средство оправдания интервенционизма. Такое свойство обеспечило доктрине востребованность в качестве риторического ресурса, освященного авторитетом традиции, но адаптирующего содержание в соответствии с требованиями политической целесообразности.

Тем не менее даже такая пластичность не всегда позволяет последовательно опираться на одни и те же риторические ресурсы для легитимации проводимой политики. Их применение ограничивается широким кругом обстоятельств, включая не только соотношение сил на международной арене, но и внутривластные соображения, а также стремлением дифференцировать сигналы различным аудиториям. Американские представители декларировали монополию на интерпретацию доктрины, но они оказались не способны контролировать процесс обретения ею коннотаций. В результате в ряде случаев они сознательно избегали отсылок к ней, даже если

государств, 18 ноября 2013 г. госсекретарь Джон Керри заявил, что «эра доктрины Монро закончилась». См.: Remarks on U.S. policy in the Western Hemisphere // U.S. Department of State (archived). 18.11.2013. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/11/217680.htm> (accessed: 25.09.2023).

фактически воспроизводили действия и аргументацию, которые ранее ассоциировались с «доктриной Монро».

Проведенный анализ продемонстрировал существенный разрыв между привилегированным статусом «доктрины Монро» в общественных представлениях и сложившейся историографии, с одной стороны, и непоследовательностью ее практического применения для легитимации или стигматизации интервенций — с другой. Она сравнительно редко фигурировала в официальной риторике, в отличие от более широких общественных дискуссий. Более того, апелляции к «доктрине Монро» не прослеживаются ни в случаях наиболее знаковых европейских вмешательств в странах Западного полушария, ни применительно к образцовым американским интервенциям.

Такой диссонанс отразился в том числе в исследовательских изысканиях, когда специалисты, отмечая отсутствие прямых отсылок к этой традиции в документах, стремились утверждать, что американская дипломатия следовала в ее «духе» или «логике». Между тем открытость «доктрины Монро» множеству интерпретаций делает невозможным придание ей какого-то одного, конкретного значения. Неудивительно, что к ней апеллировали сторонники принципиально разных внешнеполитических стратегий, нередко прямо оппонировавшие друг другу. Анализ исторического опыта указывает, что у «доктрины Монро» нет какой-то однозначной логики или определенного смысла.

В этой связи настоящая статья сфокусирована на непосредственном присутствии доктрины в дискурсивных практиках американской дипломатии. Послание 1823 г. в данном исследовании рассматривалось исключительно как риторический ресурс, а не как внутренний руководящий принцип. Полученные выводы в значительной степени коррелируют с опытом применения аналогичных идейных конструктов в другие исторические периоды, будь то «принцип легитимизма» или «гуманитарная интервенция»: каждый из них становился предметом обширных общественных дебатов, но в дипломатическом обосновании внешнеполитических акций применялся крайне ограниченно и недолго. Показателен опыт 1990–2000-х годов, когда каждая следующая западная интервенция опиралась на новые риторические ресурсы (Югославия 1999 г. —

гуманитарная интервенция, Афганистан 2001 г. — война с терроризмом, Ирак 2003 г. — предотвращение распространения оружия массового уничтожения и смена недемократических режимов).

С учетом конститутивного значения института суверенитета для поддержания международного общества непоследовательность в обращении к риторическим ресурсам в большей степени бьет по легитимации случаев вмешательства, а не невмешательства. Как свидетельствует длинный список примеров, эта асимметрия не приводит к снижению частотности интервенций. Тем не менее она порождает рост креативности в поиске новых риторических ресурсов легитимации и стимулирует ревизию существующих идейных конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 4. С. 79–108.
2. Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М.: Издательство ИМО, 1959.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Ивкина Л.А. Под дулом оружия: как Кубе была навязана «поправка Платта» (1901–1902) // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 253–269.
5. Истомин И.А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09.
6. Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011.
7. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015.
8. Колмогорова А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33–40. DOI: 10.26170/pl18-01-03.
9. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008.
10. Мартынов Б.Ф. Доктрина Монро как воля и представление Соединенных Штатов Америки // Международная жизнь. 2022. № 11. С. 46–57.
11. Михалев Ю.А., Звощик Е.В. Значение доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1 (794). С. 52–59.

12. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.

13. Пиреш М.К., Насименту Л.Г. Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 3. С. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08.

14. Трояновская М.О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010.

15. Трояновская М.О. Доктрина Монро в современных исследованиях // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2014. № 7. С. 24.

16. Троянский М.Г., Карпович О.Г. Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0 // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2 (24). С. 176–188.

17. Шихов В.А. Доктрина Монро: содержание и формирование принципов // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12–2 (66). С. 120–123. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034.

18. Aloupi N. The right to non-intervention and non-interference // Cambridge International Law Journal. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 566–587. DOI: 10.7574/cjicl.04.03.566.

19. Ammon H. The Monroe Doctrine: Domestic politics or national decision? // Diplomatic History. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 53–70.

20. Bailey T.A. The Lodge corollary to the Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1933. Vol. 48. No. 2. P. 220–239. DOI: 10.2307/2143347.

21. Bancroft F. The French in Mexico and the Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1896. Vol. 11. No. 1. P. 30–43. DOI: 10.2307/2139600.

22. Beetham D. The legitimation of power. Basingstoke; London: Macmillan Education Ltd., 1991.

23. Bryne A. The Monroe Doctrine and United States national security in the early twentieth century. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

24. Bull H. The anarchical society: A study of order in world politics. New York: Columbia University Press, 1977.

25. Buzan B. From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

26. Carr E.H. The twenty years' crisis 1919–1939. An introduction to the study of international relations. London: Macmillan, 1946.

27. Clark I. Legitimacy in international society. Oxford: Oxford University Press, 2005.

28. Correa J.S. Colombia y la Doctrina Monroe: El caso del Ferrocarril de Panamá y las intervenciones estadounidenses en el istmo // *Memorias: Revista Digital de Historia y Arqueología Desde el Caribe*. 2014. Vol. 2. No. 22. P. 107–132.

29. Damrosch L.F. Politics across borders: Nonintervention and nonforcible influence over domestic affairs // *American Journal of International Law*. 1989. Vol. 83. No. 1. P. 1–50. DOI: 10.2307/2202789.

30. De Armond L. Justo Sierra O'Reilly and Yucatecan-United States Relations, 1847–1848 // *The Hispanic American Historical Review*. 1951. Vol. 31. No. 3. P. 420–436.

31. Finnemore M. The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

32. Fitz C. The Monroe Doctrine and the indigenous Americas // *Diplomatic History*. 2023. Available at: <https://academic.oup.com/dh/advance-article-pdf/doi/10.1093/dh/dhad048/50928148/dhad048.pdf?guestAccessKey=95ad61f3-4a44-4a0d-9eb7-7c0cd4c1b9b2> (accessed: 25.09.2023). DOI: 10.1093/dh/dhad048.

33. Fry J.A. Lincoln, Seward, and US foreign relations in the Civil War era. Lexington: University Press of Kentucky, 2019.

34. Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and implications // *Presidential Studies Quarterly*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

35. Gobat M. Confronting the American dream: Nicaragua under US imperial rule. Durham: Duke University Press, 2005.

36. Gonzalez D.C. La politica exterior mexicana ante la nueva doctrina Monroe, 1904–1907. Mexico: Instituto Mora, 2005.

37. Grandin G. Empire's workshop: Latin America, the United States, and the rise of the new imperialism. New York: Henry Holt and Company, 2006.

38. Guzmán R.M. La Doctrina Monroe, el destino manifiesto y la expansión de Estados Unidos sobre América Latina. El caso de México // *Revista Estudios*. 1982. No. 4. P. 117–141.

39. Hurd I. Legitimacy and authority in international politics // *International Organization*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.

40. Jeffery R. Tradition as invention: The 'traditions tradition' and the history of ideas in international relations // *Millennium*. 2005. Vol. 34. No. 1. P. 57–84. DOI: 10.1177/03058298050340011101.

41. Kavanagh J. et al. Characteristics of successful U.S. military interventions. Santa Monica: RAND Corporation, 2019. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3062/RAND_RR3062.pdf (accessed: 15.09.2023).

42. Kinzer S. Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq. New York: Times Books, 2007.

43. Kissinger H. World order. New York: Penguin Books, 2015.

44. Klafter C.E. United States involvement in the Falkland Islands crisis of 1831–1833 // *Journal of the Early Republic*. 1984. Vol. 4. No. 4. P. 395–420.
45. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
46. Kushi S., Toft M.D. Introducing the military intervention project: A new dataset on US military interventions, 1776–2019 // *Journal of Conflict Resolution*. 2023. Vol. 67. No. 4. P. 752–779.
47. LaFeber W. The evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan // *Redefining the past: Essays in diplomatic history in honor of William Appleman Williams* / Ed. by L.C. Gardner. Corvallis: Oregon State University Press, 1986. P. 121–142.
48. LaFeber W. *The new empire: An interpretation of American expansion, 1860–1898*. Ithaca: Cornell University Press, 1963.
49. Lake D.A. *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
50. Larson D.W., Shevchenko A. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven: Yale University Press, 2019.
51. List of references on the Monroe Doctrine / Compiled under the direction of H.H.B. Meyer. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1919.
52. Logan J.A. *No transfer: An American security principle*. New Haven: Yale University Press, 1961.
53. Maass M. Catalyst for the Roosevelt corollary: Arbitrating the 1902–1903 Venezuela crisis and its impact on the development of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine // *Diplomacy & Statecraft*. 2009. Vol. 20. No. 3. P. 383–402. DOI: 10.1080/09592290903293738.
54. Maisch C.J. The Falkland/Malvinas Islands clash of 1831–32: US and British diplomacy in the South Atlantic // *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24. No. 2. P. 185–209.
55. Manning W.R. et al. Statements, interpretations, and applications of the Monroe Doctrine and of more or less allied doctrines, from 1823 to 1845 // *Proceedings of the American Society of International Law at its annual meeting (1907–1917)*. 1914. Vol. 8. P. 34–118.
56. Mariano M. Identity, alterity, and the ‘growing plant’ of Monroeism in US foreign policy ideology // *US foreign policy and the other* / Ed. by M.P. Cullinane, D. Ryan. Oxford; New York: Berghahn Books, 2015. P. 58–78.
57. Mariano M. *L’America nell’ ‘Occidente’. Storia della dottrina Monroe, 1823–1963*. Roma: Carocci editore, 2013.
58. May E.R. *The making of the Monroe Doctrine*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1975.
59. McGregor S. Seward’s Corollary to the Monroe Doctrine, 1863–1866 // *The International History Review*. 2021. Vol. 43. No. 5. P. 981–1000. DOI: 10.1080/07075332.2020.1856167.

60. McGuinness A. Path of empire: Panama and the California gold rush. Ithaca: Cornell University Press, 2008.

61. McPherson A.L. The invaded: How Latin Americans and their allies fought and ended US occupations. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014.

62. Moore J.B. The Monroe Doctrine: Its origin and meaning. New York: Evening Post Publishing Company, 1895.

63. Moore J.B. The Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. 1896. Vol. 11. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.2307/2139599.

64. Munro D.G. Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921. Princeton: Princeton University Press, 1964.

65. Murphy G. Hemispheric imaginings: The Monroe Doctrine and narratives of US empire. Durham: Duke University Press, 2005.

66. Niemann H., Schillinger H. Contestation ‘all the way down’? The grammar of contestation in norm research // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. No. 1. P. 29–49. DOI: 10.1017/S0260210516000188.

67. Owen J.M. The foreign imposition of domestic institutions // International Organization. 2002. Vol. 56. No. 2. P. 375–409. DOI: 10.1162/002081802320005513.

68. Parsons L.H. The birth of modern politics: Andrew Jackson, John Quincy Adams, and the election of 1828. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

69. Perkins D. A history of the Monroe Doctrine. Boston: Little, Brown, 1963.

70. Pocock J.G.A. Time, institutions and action: An essay on traditions and their understanding // Politics and experience: Essays presented to Professor Michael Oakeshott on the occasion of his retirement / Ed. by P. King, B.C. Parekh. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 209–238.

71. Putnam R.D. Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.

72. Renshon J. Fighting for status: Hierarchy and conflict in world politics. Princeton: Princeton University Press, 2017.

73. Risse T. ‘Let’s argue!’: Communicative action in world politics // International Organization. 2000. Vol. 54. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.

74. Rossi C.R. Whiggish international law: Elihu Root, the Monroe Doctrine, and international law in the Americas. Leiden; Boston: Brill; Nijhoff, 2019.

75. Sánchez Padilla A. ¿En defensa de la Doctrina Monroe? Los desencuentros en América Latina entre España y Estados Unidos (1880–1890) // Historia Crítica. 2016. No. 62. P. 13–33. DOI: 10.7440/histcrit62.2016.01.

76. Sexton J. The Monroe Doctrine: Empire and nation in nineteenth-century America. New York: Hill and Wang, 2011.

77. Smith G. The last years of the Monroe Doctrine, 1945–1993. New York: Hill and Wang, 1994.

78. Status in world politics / Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

79. Tatum E.H. The United States and Europe, 1815–1823: A study in the background of the Monroe Doctrine. Berkeley: University of California Press, 1936.
80. Teixeira C.G.P. Uma política para o continente-reinterpretando a Doutrina Monroe // Revista Brasileira de Política Internacional. 2014. Vol. 57. No. 2. P. 115–132. DOI: 10.1590/0034-7329201400307.
81. Thompson J.M. Theodore Roosevelt and the politics of the Roosevelt corollary // Diplomacy & Statecraft. 2015. Vol. 26. No. 4. P. 571–590. DOI: 10.1080/09592296.2015.1096658.
82. The United States reaffirms the Monroe Doctrine // The Monroe Doctrine: Its modern significance / Ed. by D.M. Dozer. New York: Knopf, 1965. P. 185–187.
83. Valone S.J. 'Weakness offers temptation': William H. Seward and the reassertion of the Monroe Doctrine // Diplomatic History. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 583–599.
84. Veaser C. Inventing dollar diplomacy: The gilded-age origins of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine // Diplomatic History. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 301–326. DOI: 10.1111/1467-7709.00355.
85. Vincent R.J. Nonintervention and international order. Princeton: Princeton University Press, 2015.
86. Weber C. Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
87. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.
88. Whitaker A.P. The origin of the Western hemisphere idea // Proceedings of the American Philosophical Society. 1954. Vol. 98. No. 5. P. 323–326.
89. Wiener A. A theory of contestation. Berlin; Heidelberg: Springer, 2014.
90. Williams J. Nothing succeeds like success? Legitimacy and international relations // The ethical dimensions of global change / Ed. by B. Holden. London: Palgrave Macmillan, 1996. P. 40–67.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2018. Vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: spor o definitsii [Intervention in the domestic affairs: Questioning definitions]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 79–108. (In Russ.)
2. Bolkhovitinov N.N. 1959. *Doktrina Monro (proiskhozhdenie i kharakter)* [Monroe Doctrine (Origins and character)]. Moscow, Izdatel'stvo IMO Publ. (In Russ.)
3. Veber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected writings]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
4. Ivkina L.A. 2015. Pod dulum oruzhiya: kak Kube byla navyazana 'popravka Platta' (1901–1902) [Under the gun of weapons: How the Platt Amendment was

imposed on Cuba (1901–1902)]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 15, pp. 253–269. (In Russ.)

5. Istomin I.A. 2023. Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizatsiya sushchnostno neopredelimogo kontsepta [Foreign interference in internal affairs: Deconstruction of an essentially indeterminate concept]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09. (In Russ.)

6. Iserov A.A. 2011. *SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost', 1815–1830* [USA and Latin America's struggle for independence, 1815–1830]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russ.)

7. Karpovich O.G., Manoilo A.V. 2015. *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Colour revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo Publ. (In Russ.)

8. Kolmogorova A.V. 2018. Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskii fenomen i ob'ekt diskurs-analiza [Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis]. *Political Linguistics*, no. 1 (67), pp. 33–40. DOI: 10.26170/pl18-01-03. (In Russ.)

9. Martens F.F. 2008. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Contemporary international law of civilized peoples]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russ.)

10. Martynov B.F. 2022. Doktrina Monro kak volya i predstavlenie Soedinyenykh Shtatov Ameriki [The Monroe Doctrine as the will and representation of the United States of America]. *The International Affairs*, no. 11, pp. 46–57. (In Russ.)

11. Mikhalev Yu.A., Zvoshchik E.V. 2018. Znachenie doktriny Monro v formirovanii amerikanskoi strategicheskoi kul'tury [The importance of the Monroe Doctrine in the formation of the American strategic culture]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 1 (794), pp. 52–59. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

13. Pires M.K., Nasimentu L.G. 2020. Doktrina Monro 2.0 i trekhstoronnie otnosheniya SShA, Kitaya i Latinskoj Ameriki [The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. — China — Latin America trilateral relations]. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 202–222. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08. (In Russ.)

14. Troyanovskaya M.O. 2010. *Diskussii po voprosam vneshnei politiki v SShA (1775–1823)* [Discussing foreign policy in the United States (1775–1823)]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

15. Troyanovskaya M.O. 2014. Doktrina Monro v sovremennykh issledovaniyakh [The Monroe Doctrine in contemporary scholarship]. *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, no. 7, pp. 24. (In Russ.)

16. Troyanskii M.G., Karpovich O.G. 2020. Politika SShA v Latinskoi Amerike: doktrina Monro 3.0 [US policy in Latin America: Monroe Doctrine 3.0]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 2 (24), pp. 176–188. (In Russ.)
17. Shikhov V.A. 2017. Doktrina Monro: sodержanie i formirovanie printsipov [Monro Doctrine: Content and formation of principles]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 12–2 (66), pp. 120–123. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.034. (In Russ.)
18. Aloupi N. 2015. The right to non-intervention and non-interference. *Cambridge International Law Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 566–587. DOI: 10.7574/cjicl.04.03.566.
19. Ammon H. 1981. The Monroe Doctrine: Domestic politics or national decision? *Diplomatic History*, vol. 5, no. 1, pp. 53–70.
20. Bailey T.A. 1933. The Lodge corollary to the Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 48, no. 2, pp. 220–239. DOI: 10.2307/2143347.
21. Bancroft F. 1896. The French in Mexico and the Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 11, no. 1, pp. 30–43. DOI: 10.2307/2139600.
22. Beetham D. 1991. *The legitimation of power*. Basingstoke, London, Macmillan Education Ltd.
23. Bryne A. 2020. *The Monroe Doctrine and United States national security in the early twentieth century*. Cham, Palgrave Macmillan.
24. Bull H. 1977. *The anarchical society: A study of order in world politics*. New York, Columbia University Press.
25. Buzan B. 2004. *From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation*. Cambridge, Cambridge University Press.
26. Carr E.H. 1946. *The twenty years' crisis 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan.
27. Clark I. 2005. *Legitimacy in international society*. Oxford, Oxford University Press.
28. Correa J.S. 2014. Colombia y la Doctrina Monroe: El caso del Ferrocarril de Panamá y las intervenciones estadounidenses en el istmo. *Memorias: Revista Digital de Historia y Arqueología Desde el Caribe*, vol. 2, no. 22, pp. 107–132.
29. Damrosch L.F. 1989. Politics across borders: Nonintervention and nonforcible influence over domestic affairs. *American Journal of International Law*, vol. 83, no. 1, pp. 1–50. DOI: 10.2307/2202789.
30. De Armond L. 1951. Justo Sierra O'Reilly and Yucatecan-United States Relations, 1847–1848. *The Hispanic American Historical Review*, vol. 31, no. 3, pp. 420–436.
31. Finnemore M. 2004. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, Cornell University Press.
32. Fitz C. 2023. The Monroe Doctrine and the indigenous Americas. *Diplomatic History*. Available at: <https://academic.oup.com/dh/advance->

article-pdf/doi/10.1093/dh/dhad048/50928148/dhad048.pdf?guestAccessKey=95ad61f3-4a44-4a0d-9eb7-7c0cd4c1b9b2 (accessed: 25.09.2023). DOI: 10.1093/dh/dhad048.

33. Fry J.A. 2019. *Lincoln, Seward, and US foreign relations in the Civil War era*. Lexington, University Press of Kentucky.

34. Gilderhus M.T. 2006. The Monroe Doctrine: Meanings and implications. *Presidential Studies Quarterly*, vol. 36, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2006.00282.x.

35. Gobat M. 2005. *Confronting the American dream: Nicaragua under US imperial rule*. Durham, Duke University Press.

36. Gonzalez D.C. 2005. *La política exterior mexicana ante la nueva doctrina Monroe, 1904–1907*. Mexico, Instituto Mora.

37. Grandin G. 2006. *Empire's workshop: Latin America, the United States, and the rise of the new imperialism*. New York, Henry Holt and Company.

38. Guzmán R.M. 1982. La Doctrina Monroe, el destino manifiesto y la expansión de Estados Unidos sobre América Latina. El caso de México. *Revista Estudios*, no. 4, pp. 117–141.

39. Hurd I. 1999. Legitimacy and authority in international politics. *International Organization*, vol. 53, no. 2, pp. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.

40. Jeffery R. 2005. Tradition as invention: The 'traditions tradition' and the history of ideas in international relations. *Millennium*, vol. 34, no. 1, pp. 57–84. DOI: 10.1177/03058298050340011101.

41. Kavanagh J. et al. 2019. *Characteristics of successful U.S. military interventions*. Santa Monica, RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3000/RR3062/RAND_RR3062.pdf (accessed: 15.09.2023).

42. Kinzer S. 2007. *Overthrow: America's century of regime change from Hawaii to Iraq*. New York, Times Books.

43. Kissinger H. 2015. *World order*. New York, Penguin Books.

44. Klafter C.E. 1984. United States involvement in the Falkland Islands crisis of 1831–1833. *Journal of the Early Republic*, vol. 4, no. 4, pp. 395–420.

45. Krasner S.D. 1999. *Sovereignty: Organized hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press.

46. Kushi S., Toft M.D. 2023. Introducing the military intervention project: A new dataset on US military interventions, 1776–2019. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 67, no. 4, pp. 752–779.

47. LaFeber W. 1986. The evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan. In: Gardner L.C. (ed.). *Redefining the past: Essays in diplomatic history in honor of William Appleman Williams*. Corvallis, Oregon State University Press, pp. 121–142.

48. LaFeber W. 1963. *The new empire: An interpretation of American expansion, 1860–1898*. Ithaca, Cornell University Press.

49. Lake D.A. 2011. *Hierarchy in international relations*. Ithaca, Cornell University Press.
50. Larson D.W., Shevchenko A. 2019. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Yale University Press.
51. Meyer H.H.B. (ed.). 1919. *List of references on the Monroe Doctrine*. Washington, D.C., Government Printing Office.
52. Logan J.A. 1961. *No transfer: An American security principle*. New Haven, Yale University Press.
53. Maass M. 2009. Catalyst for the Roosevelt corollary: Arbitrating the 1902–1903 Venezuela crisis and its impact on the development of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 20, no. 3, pp. 383–402. DOI: 10.1080/09592290903293738.
54. Maisch C.J. 2000. The Falkland/Malvinas Islands clash of 1831–32: US and British diplomacy in the South Atlantic. *Diplomatic History*, vol. 24, no. 2, pp. 185–209.
55. Manning W.R. et al. 1914. Statements, interpretations, and applications of the Monroe Doctrine and of more or less allied doctrines, from 1823 to 1845. *Proceedings of the American Society of International Law at its annual meeting (1907–1917)*, vol. 8, pp. 34–118.
56. Mariano M. 2015. Identity, alterity, and the ‘growing plant’ of Monroeism in US foreign policy ideology. In: Cullinane M.P., Ryan D. (eds.). *US foreign policy and the other*. Oxford, New York, Berghahn Books, pp. 58–78.
57. Mariano M. 2013. *L’America nell’ ‘Occidente’*. Storia della dottrina Monroe, 1823–1963. Roma, Carocci editore.
58. May E.R. 1975. *The making of the Monroe Doctrine*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
59. McGregor S. 2021. Seward’s Corollary to the Monroe Doctrine, 1863–1866. *The International History Review*, vol. 43, no. 5, pp. 981–1000. DOI: 10.1080/07075332.2020.1856167.
60. McGuinness A. 2008. *Path of empire: Panama and the California gold rush*. Ithaca, Cornell University Press.
61. McPherson A.L. 2014. *The invaded: How Latin Americans and their allies fought and ended US occupations*. Oxford, New York, Oxford University Press.
62. Moore J.B. 1895. *The Monroe Doctrine: Its origin and meaning*. New York, Evening Post Publishing Company.
63. Moore J.B. 1896. The Monroe Doctrine. *Political Science Quarterly*, vol. 11, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.2307/2139599.
64. Munro D.G. 1964. *Intervention and dollar diplomacy in the Caribbean, 1900–1921*. Princeton, Princeton University Press.
65. Murphy G. 2005. *Hemispheric imaginings: The Monroe Doctrine and narratives of US empire*. Durham, Duke University Press.

66. Niemann H., Schillinger H. 2017. Contestation 'all the way down'? The grammar of contestation in norm research. *Review of International Studies*, vol. 43, no. 1, pp. 29–49. DOI: 10.1017/S0260210516000188.

67. Owen J.M. 2002. The foreign imposition of domestic institutions. *International Organization*, vol. 56, no. 2, pp. 375–409. DOI: 10.1162/002081802320005513.

68. Parsons L.H. 2009. *The birth of modern politics: Andrew Jackson, John Quincy Adams, and the election of 1828*. Oxford, New York, Oxford University Press.

69. Perkins D. 1963. *A history of the Monroe Doctrine*. Boston, Little, Brown.

70. Pocock J.G.A. 1968. Time, institutions and action: An essay on traditions and their understanding. In: King P., Parekh B.C. (eds.). *Politics and experience: Essays presented to Professor Michael Oakeshott on the occasion of his retirement*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 209–238.

71. Putnam R.D. 1988. Diplomacy and domestic politics: The logic of two-level games. *International Organization*, vol. 42, no. 3, pp. 427–460.

72. Renshon J. 2017. *Fighting for status: Hierarchy and conflict in world politics*. Princeton, Princeton University Press.

73. Risse T. 2000. 'Let's argue!': Communicative action in world politics. *International Organization*, vol. 54, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.

74. Rossi C.R. 2019. *Whiggish international law: Elihu Root, the Monroe Doctrine, and international law in the Americas*. Leiden, Boston, Brill, Nijhoff.

75. Sánchez Padilla A. 2016. ¿En defensa de la Doctrina Monroe? Los desencuentros en América Latina entre España y Estados Unidos (1880–1890). *Historia Crítica*, no. 62, pp. 13–33. DOI: 10.7440/histcrit62.2016.01.

76. Sexton J. 2011. *The Monroe Doctrine: Empire and nation in nineteenth-century America*. New York, Hill and Wang.

77. Smith G. 1994. *The last years of the Monroe Doctrine, 1945–1993*. New York, Hill and Wang.

78. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds.). 2014. *Status in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press.

79. Tatum E.H. 1936. *The United States and Europe, 1815–1823: A study in the background of the Monroe Doctrine*. Berkeley, University of California Press.

80. Teixeira C.G.P. 2014. Uma política para o continente-reinterpretando a Doutrina Monroe. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 57, no. 2, pp. 115–132. DOI: 10.1590/0034-7329201400307.

81. Thompson J.M. 2015. Theodore Roosevelt and the politics of the Roosevelt corollary. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 26, no. 4, pp. 571–590. DOI: 10.1080/09592296.2015.1096658.

82. State Department. 1965. The United States reaffirms the Monroe Doctrine. In: Dozer D.M. (ed.). *The Monroe Doctrine: Its modern significance*. New York, Knopf, pp. 185–187.

83. Valone S.J. 1995. 'Weakness offers temptation': William H. Seward and the reassertion of the Monroe Doctrine. *Diplomatic History*, vol. 19, no. 4, P. 583–599.
84. Veesser C. 2003. Inventing dollar diplomacy: The gilded-age origins of the Roosevelt corollary to the Monroe Doctrine. *Diplomatic History*, vol. 27, no. 3, pp. 301–326. DOI: 10.1111/1467-7709.00355.
85. Vincent R.J. 2015. *Nonintervention and international order*. Princeton, Princeton University Press.
86. Weber C. 1995. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge, Cambridge University Press.
87. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.
88. Whitaker A.P. 1954. The origin of the Western hemisphere idea. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 98, no. 5, pp. 323–326.
89. Wiener A. 2014. *A theory of contestation*. Berlin, Heidelberg, Springer.
90. Williams J. 1996. Nothing succeeds like success? Legitimacy and international relations. In: Holden B. (ed.). *The ethical dimensions of global change*. London, Palgrave Macmillan, pp. 40–67.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после
рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 24.10.2023

The paper was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 24.10.2023